К осени 1844 г. отношения западников и славянофилов начинают обостряться. 4 сентября Герцен записывает в дневнике: «Белинский прав. Нет мира и совета с людьми до того розными» (II, 379). В середине октября речь идет уже об «открытой войне с славянофильством» (XXII, 201). Н. М. Языков отмечает непримиримость Герцена, выделяющую его среди остальных западников. С января 1845 г. «Москвитянин» должен был перейти под редакцию И. Киреевского, который сделал попытку привлечь к участию в журнале Герцена. 25 ноября 1844 г. Языков пишет А. М. Языкову: «Даже Грановский обещал свою статью Ив. Киреевскому. Герцен не дает...»[11]. И тут же о статье Герцена «Истинная и последняя эманципация рода человеческого от злейших врагов его»: «Прочти в 11 № От⟨ечественных⟩ Зап⟨исок⟩ юмористическую его статейку о истреблении блох!! Это сумбур, каких мало бывает где бы то ни было»[12]. Но главой западников Языков пока еще считает Грановского. В конце 1844 г. начал читать в университете курс публичных лекций по истории древней русской словесности С. П. Шевырев. 6 декабря Языков пишет: «Шевырев торжествует!.. Партия Чаадаева и партия Грановского — что почти одно и то же, кричат и вопят, видя его победу и одоление. Герцен и не ходит на его лекции»[13].

Острота разногласий стала ясна всем. Герцен пишет письмо Ю. Ф. Самарину, в котором высказывает свое «мнение о славянах, об этой пустоте болтовни, узком взгляде, стоячести и пр.» (II, 391). Разрыв назрел. И как раз в это время распространяются слухи о новых стихах Языкова. Дочь ближайших друзей Языкова — Елагиных — Е. А. Елагина пишет в начале декабря отцу: «Языков... посылает новые стихи Аксакову, где... ужасно нападает на Чаадаева, Герцена, Грановского»[14]. 11 декабря она снова возвращается к этому слуху: «На этих днях Языков написал стихи „К ненашим", говорят презлые... Тут есть на всех: на Чаадаева, Герцена, Грановского, Тургенева А. И.»[15].

Впечатление, произведенное стихотворениями Языкова на современников, было очень велико. По свидетельству Свербеева, «следствием распространения этих сатирических личностей было окончательное разделение московских литераторов и примыкавших к их кругу любознательных людей из общества на западных и восточных»[16]. Написанные почти одновременно послания — «К ненашим», «К Чаадаеву», «Константину Аксакову» — сами по себе вряд ли вызвали бы такой резонанс, который они имели, если б они не совпали с приближавшейся кульминацией споров славянофилов и западников, вызванной гораздо более глубокими причинами, чем чьи бы то ни было стихи. Но появившись, они как бы вобрали в себя все разногласия, став пробным камнем позиции каждого. 11 декабря Языков писал брату о своих посланиях: «Противная сторона находит в них много личностей... в них де я нападаю на Ч⟨аадаева⟩. Ч⟨аадаев⟩— особа священная!»[17]. Резко осудили стихотворения даже некоторые из славянофилов. К. С. Аксаков писал Самарину: «Стихи Языкова сделались орудием людей, с которыми у нас нет общего, ... против людей достойных и прекрасных»[18]. Неодобрение вызвали стихи Языкова и у К. К. Павловой. В связи с отрицательной реакцией людей, на поддержку которых он, казалось, мог рассчитывать, Языков с горечью замечает в письме к брату — А. М. Языкову, что его стихотворения «не понравились никому из тех, за кого писал»[19]. Здесь он преувеличивал: сторонники нашлись —

---

[11] Авт. ПД, 19.4.25.
[12] Там же.
[13] Авт. ПД, 19.4.25.
[14] Авт. ЛБ, ф. 99, к. 6, ед. хр. 39.
[15] Литературное наследство. М., 1968, т. 79, стр. 59.
[16] Свербеев Д. Н. Записки. М., 1899, т. II, стр. 402—403.
[17] Авт. ПД, 19.4.25.
[18] Авт. ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 5, ед. хр. 33, л. 27.
[19] Авт. ПД, 19.4.25.